

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье 27-го мая 1907 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ № 9094

НИЩИЕ.

Рассказъ.

На улицѣ сырьо и колодно.

Вдкій туманъ нависъ въ воздухѣ, и мокрыя стѣны высокихъ многоэтажныхъ домовъ глядятъ сурово и непривѣтливо.

Крошечному мальчугану Федкѣ, облеченному въ изодранную и порыжѣлую материнскую кофту, и его младшей сестренкѣ Манѣ, закутанной съ ногъ до головы въ большой дырявый платокъ, сегодня особенно плохо.

Еще съ вечера мамкѣ ихъ сильно занеможилось. Она не пошла утромъ на работу, лежитъ на койкѣ, охаетъ и все вздыхаетъ.

А когда Федкѣ съ Маней уходили собирать милостыню, какъ это часто случалось за послѣднее время, то она строго-на-строго приказала, чтобы они и домой не являлись, если не наберутъ хотя бы двугривенного до вечера.

А тутъ, какъ нарочно, погода стоитъ такая, что, выйдя изъ дома только по необходимости, каждый спѣшить по своему дѣлу, и никто ничего не подаетъ.

Главное же то, что очень ужъ холодно,—такъ дрожь и пробираетъ.

Чтобы согрѣться, Федкѣ пробовалъ уже и ходить по разнымъ улицамъ, но Манька упала, ушиблась и стала плакать.

— Нѣтъ, ужъ лучше постоимъ... пока фонарики позажгутъ... думаетъ Федкѣ и заботливо укутываетъ дрожащую и плачущую Маньку.

— Ты спрячь ручку-то... спрячь... она тамъ теплѣе будетъ, говоритъ онъ ей съ ласковою заботливостью въ голосѣ, подпихивая за тесемку рваный платокъ.

— Холодно... мамка... сквозь слезы говоритъ Манька и прижимаетъ къ губамъ, чтобы согрѣть, мокрыя посинѣвшія ручки.

— Ну, ничего, ничего, успокаиваетъ ее Федкѣ.

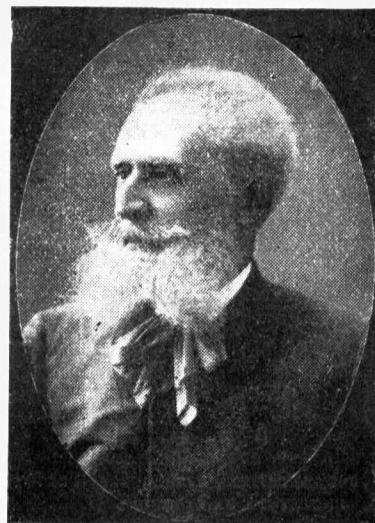
— Вотъ погоди, скоро наберемъ пятиалтынныи и тогда пойдемъ, а то, знаешь, мамка браниться будетъ.

— Три копѣйки есть, да еще сейчасъ вотъ та барынка подала копѣечку, знать читъ, четыре...

— Хлѣбца купимъ, хлѣбца-то дома нѣтъ.. Ну, ну... не плачь, не плачь... Федкѣ черезъ силу утѣшаетъ сестренку, хотя чувствуетъ, что самъ, того и гляди, не выдержитъ и заплачетъ.

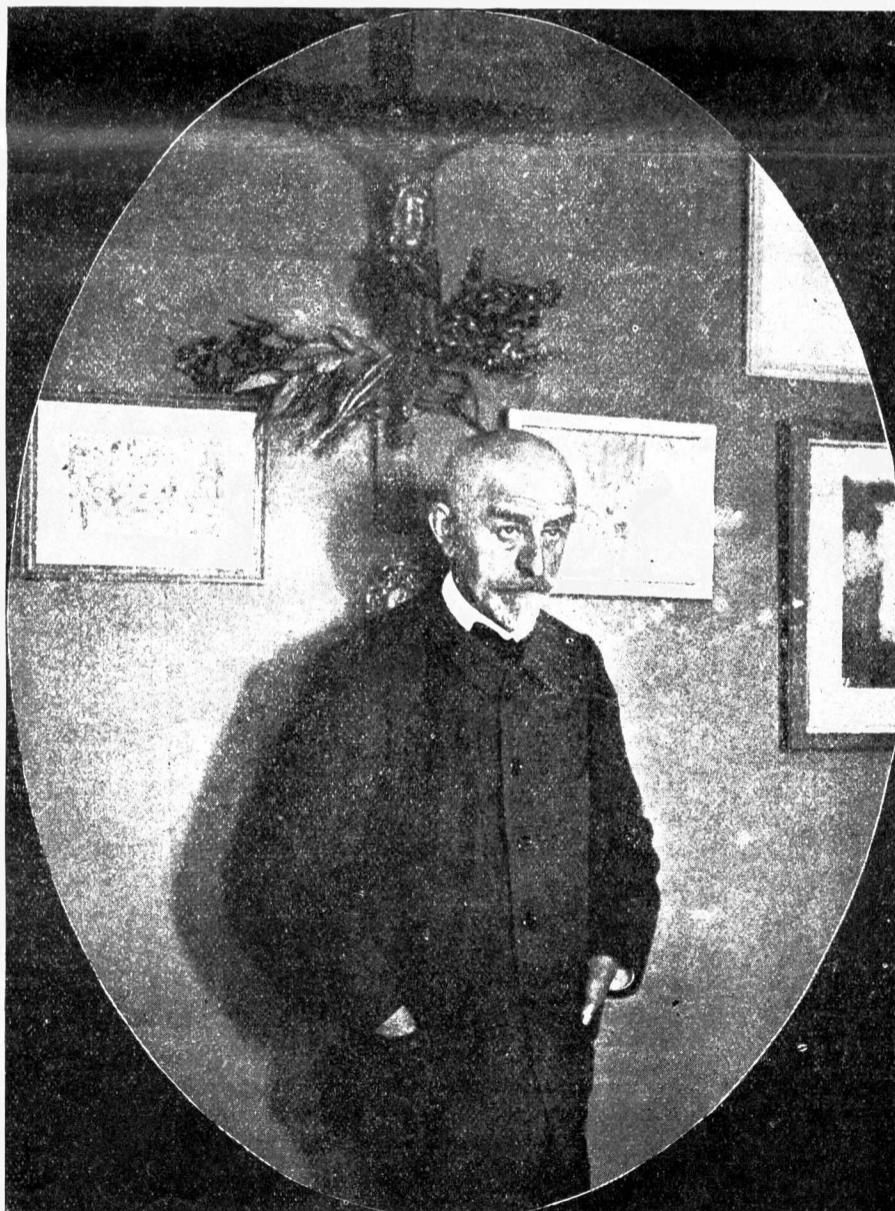
Но онъ уже большой—ему пошелъ шестой годъ—и плакать поэтому никакъ нельзя и стыдно.

Къ тому же и за Манькой смотрѣть нужно.

А. И. Дудукаловъ.

Заслуженный ординарный профессоръ Харьковскаго университета. Скончался 16-го мая.

Ж. К. Гюйсманъ.

Французскій романистъ, голландецъ по происхожденію. Родился въ 1848 г. въ Парижѣ, скончался тамъ же, 2-го мая.

Мамка то и дѣло твердитъ: „иродъ здоровый, совсѣмъ выросъ“.

„Пора деньги зарабатывать“...

И при мысли объ этомъ Федкѣ озабоченно хмурить брови и дѣлаетъ серьезное лицо.

Мимо проходитъ высокій господинъ въ цилиндрѣ и со сверткомъ подъ мышкой.

„Не дастъ“, думаетъ Федкѣ, провожая его глазами и не рѣшаясь просить,—“сердитый“...

Изъ-за угла показывается полная барыня съ зонтикомъ и маленькой бѣлой собачкой на цѣпочкѣ.

„Барынка, добряя... Христа ради, копѣечку“... жалобно ноетъ Федкѣ, забѣгая впередъ и засматривая ей въ глаза. Но толстая барыня брезгливо поджимаетъ губы и, не глядя на Федкѣ, сердито кричитъ обнюхающей его собаченкѣ:

„Фишкѣ, куда пошла, противная! Иди сейчасъ сюда“...

И тянеть ее за цѣпочку.

Собачка упирается и тянется бокомъ, вытягивая къ Федкѣ свою острую мордочку, а онъ стоитъ, растопыривши рученки, смотрѣть вслѣдъ “барынкѣ” и повторять уже тихо и неувѣренно:

„Христа ради... одну копѣечку“...

Потомъ онъ возвращается опять къ Манькѣ и, прислонившись къ двери того подъѣзда, гдѣ стоялъ раньше, начинаетъ смотрѣть на противоположную сторону улицы.

Какъ разъ напротивъ находится мясная лавка, и внимание Федкѣ привлекаетъ я вывѣска, съ грубо намалеваннымъ желто-зеленымъ пейзажемъ, изображающимъ лѣсъ и поле, на которомъ стоятъ громадный рыжій быкъ, наставляя рога прямо на Федкѣ.

Лѣсъ, поле и быкъ нарисованы очень плохо, такъ плохо, что кажутся опрокинутыми прямо надъ землей, такъ, что быкъ того и гляди сползеть внизъ на тротуаръ, упираясь въ него завитыми рогами; но Федкѣ этотъ пейзажъ кажется очень заманчивымъ и правдоподобнымъ, и онъ живо вспоминаетъ, какъ въ прошломъ году ониѣздили съ мамкой къ теткѣ Катеринѣ въ деревню, и тамъ онъ въ первый и единственный разъ гулялъ въ полѣ и вѣтъ въ такомъ лѣсу, что нарисованъ на вывѣскѣ...

„Федкѣ“, вдругъ прерываетъ его мысли Манька плачущимъ голосомъ и держаетъ его за рукавъ.

„Вонъ опять барыня идетъ, толстая, съ собачкой“...

„Да, да... она... барыня“...

Торопливо говорить Федкѣ и, прищуривая глаза, продолжаетъ опять вспоминать. Да, тамъ очень хорошо!

Тамъ нѣтъ вовсе этихъ высокихъ каменныхъ домовъ съ широкими сверкающими окнами и темными заплѣсневѣльми подвалами, нѣтъ жесткихъ мостовыхъ и тротуаровъ съ тумбами, сердитыхъ дворниковъ и городовыхъ, которые гонять отовсюду Федьку и награждаютъ его тумаками и подзатыльниками за то, что онъ проситъ милостынку,—тамъ все кругомъ такое зеленое, зеленое, деревьевъ— страсть много, травка и цвѣточки... разные, голубые, красные и желтые...

И рѣка большая. Вода въ ней чистая и прозрачная, точно изъ колодца.

Только Федька боялся тогда купаться, и, когда мамка окунала его въ прохладную воду, ему дѣлалось невыносимо жутко, онъ кричалъ и отчаянно отбивался.

Но зато какъ хорошо бывало потомъ, когда они возвращались домой.

Тетка Катерина поила ихъ вкуснымъ молокомъ и пускала иногда въ свой садикъ, гдѣ они съ Манькой до отвалу наѣдались спѣлыми вишнями и смородиной. Здѣсь же, въ городѣ, эти ягоды проходятъ на лоткахъ и въ магазинахъ.. Да, здѣсь даромъ никто ничего не даетъ, а за все нужно платить деньги, а денегъ у мамки мало, и доставать ихъ трудно, очень трудно. Все это Федька очень хорошо знаетъ, испыталъ и на себѣ, и кажется это ему страшно несправедливостью...

Онъ такъ задумывается, что забываетъ даже про дождь и холодъ, какъ вдругъ дверь, возлѣ которой онъ стоитъ съ Манькой, распахивается, и Федька, не удержавшись отъ внезапного толчка, падаетъ на грязный тротуаръ, лицомъ внизъ, увлекая за собою Маньку. Когда онъ поднимается, весь въ грязи и, утирая подоломъ своей кофты лицо громко расплакавшейся Манькѣ, робко обворачивается къ подѣзу, то видитъ, что какой-то господинъ, весь въ голубомъ и съ золотыми пуговицами, подсаживаетъ богато раздѣтую барыню въ карету. Затѣмъ онъ быстро захлопываетъ дверцу, вскакиваетъ на тротуаръ и отрывисто кричитъ: „пошелъ“!

Лошади сразу трогаются съ мѣста, и резиновые шины обдаются Федьку и Маню цѣлымъ дождемъ грязныхъ брызгъ.

Господинъ въ голубомъ вдругъ замѣчаетъ ихъ и сердито кричитъ, грозя Федькѣ рукою:

— Чего болтаетесь здѣсь! Вотъ я васъ...

Онъ съ шумомъ захлопываетъ за собою дверь, а Федька, весь съжившись, широко открытыми глазами смотритъ туда такъ, какъ смотритъ уличная собаченка, отброшенная въ сторону съ дороги ударомъ сапога.

Онъ отходитъ съ Манькой немножко дальше, останавливается и снова начинаетъ слѣдить за проходящими.

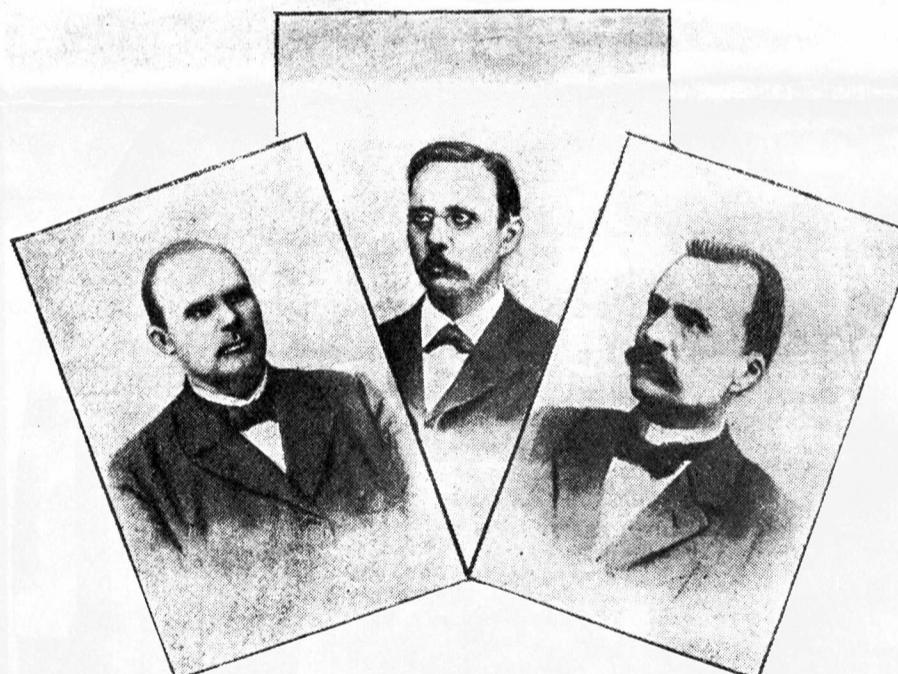
Смеркается, и прохожихъ становится все меньше и меньше. Но вотъ идутъ мимо два студента въ узкихъ голубыхъ

Н. А. Бѣлобородовъ.

инженеръ путей сообщенія, заслуженный профессоръ, завѣдывающій механической лабораторіей института инженеровъ П. С.

30 мая с. г. исполняется 40 лѣтіе служебной и педагогической его дѣятельности.

К. Олянскій.

I. R. Дательсонъ. Е. Т. Пальменъ.

Лидеры старофинской партіи.

брюкахъ и высокихъ воротничкахъ, подъ руку съ широкимъ одѣтой молодой дѣвушкой, разговариваютъ, весело и громко смеются.

— Навѣрно, дадутъ, мелькаетъ въ головѣ у Федьки, и онъ опять начинаетъ жалобно и шепелявя:

— Подайте милостынку, Христа ради...

— Ахъ, ты, пузырь! весело говоритъ одинъ студентъ, наклоняясь къ нему ми мохомъ и слегка хлопая его по плечу.

И всѣ проходятъ мимо, смеясь и разговаривая.

— Мамка больна... шепчетъ съ тоской и точно безсознательно Федька и поправляетъ платокъ Манькѣ

Стоять они долго, долго...

— „Барынки“ и „барины“ все идутъ и идутъ мимо, смеющіеся и озабоченные, топорящіеся и сердитые, и никто больше не подаетъ Федькѣ копѣекъ.

Одинъ даже высокій господинъ въ сѣромъ пальто и рыжей помятой шляпѣ такъ тотъ выбранился еще: „попрошайки“, говоритъ, „шли бы домой лучше..“

Федькѣ становится нестерпимо грустно.

— „Бранится“, думаетъ онъ, едва сдерживая рыданія...

— А какъ тутъ домой пойдешь, когда четыре копѣеки только... и хлѣбца нѣту.. и мамка...

Но, когда, наконецъ, совсѣмъ промокшая и захолодавшая Манька громко начинаетъ плакать, всхлипывая и причитая: „Мамка.. домой... хо-лод-но“.. Федька самъ не выдерживаетъ долѣ; слезы застилаютъ ему глаза, и, судорожно всхлипывая, онъ беретъ Маньку за руку, поправляетъ ей неслышащимися отъ холода рученками платокъ, и оба они идутъ по мокрой, грязной улицѣ домой, причемъ Манька постоянно зацѣпляется своими

слабыми ножками за камни, падаетъ и плачетъ, повторяя уже только:

— „Мамка.., мамка“...

А Федька старается удержаться отъ слезъ, морщить лицо, и, ухвативъ Маньку одной рукой, осторожно тащитъ ее за собой, поднимаетъ съ усилиемъ, когда она падаетъ, и говорить, наклоняясь къ ея мокрому отъ дождя и слезъ лицу:

— Ну, погоди.. ну, ничего... сейчасъ придемъ.. хлѣбца дамъ.. не плачь, Манька, не плачь...

А въ головѣ его мелькаютъ нехорошія мысли, и тоскливо сжимается маленько сердечко.

— Мамка браниться будетъ... Четыре копѣеки.. хлѣбца не хватитъ...

Онъ самъ уже дрожитъ весь отъ холода и недѣтскаго горя и, таща за собою плачущую и спотыкающуюся Маньку, подпихиваетъ ей платокъ подъ тесемку и сквозь слезы повторяетъ:

— Ну, погоди.. ну, ничего.. не плачь, Манька.. хлѣбца дамъ...

А изъ открытыхъ дверей булочныхъ и великолѣпныхъ ресторановъ несетъ раздражающій запахъ свѣже-испеченного хлѣба и чего-то очень вкуснаго, жаренаго, и въ окнахъ многоэтажныхъ домовъ сверкаютъ сквозь спущенные занавѣси уютные огоньки...

Леонидъ Фидлеръ.

Новая „Дрейфусиада“ въ Парижѣ.

Въ парижскомъ трибуналѣ снова воскресло дѣло Тюрпена, возникшее 16 лѣтъ тому назадъ.

По всей видимости, Тюрпенъ, дѣйствительно, жертва юстици, и притомъ жертва, которая терпѣливо мирится со своей судьбой по причинамъ идеального характера.

17-го июня 1891 г. изобрѣтатель взрывчатаго вещества мелинита, химикъ Тюрпенъ, былъ приговоренъ къ 5-ти годамъ тюремнаго заключенія, 2000 франковъ штрафа и лишенню гражданскихъ правъ на пять лѣтъ, за опубликованіе въ книгѣ „Какъ продали мелинитъ“ документовъ, имѣющихъ большое значеніе въ дѣлѣ государственной обороны.

„Лига свободы личности“, добившаяся нового разсмотрѣнія процесса, утверждаетъ что Тюрпенъ былъ невиненъ, что онъ не доказывалъ своей невиновности по договору съ Вальдекъ-Руссо, чтобы еще болѣе не разстраивать страну новыми низостями военныхъ властей, и безъ того уже замаранныхъ дрейфусовской путаницей, и что въ этомъ человѣкѣ безжалостно унижены гений изобрѣтателя и благородное, патріотическое сердце.

Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ упоминается всѣми имя военного министра Пикара, и процессъ непремѣнно будетъ разбираться въ гражданскомъ судѣ, то еще ранѣе разбирательства онъ уже принялъ политическую окраску.

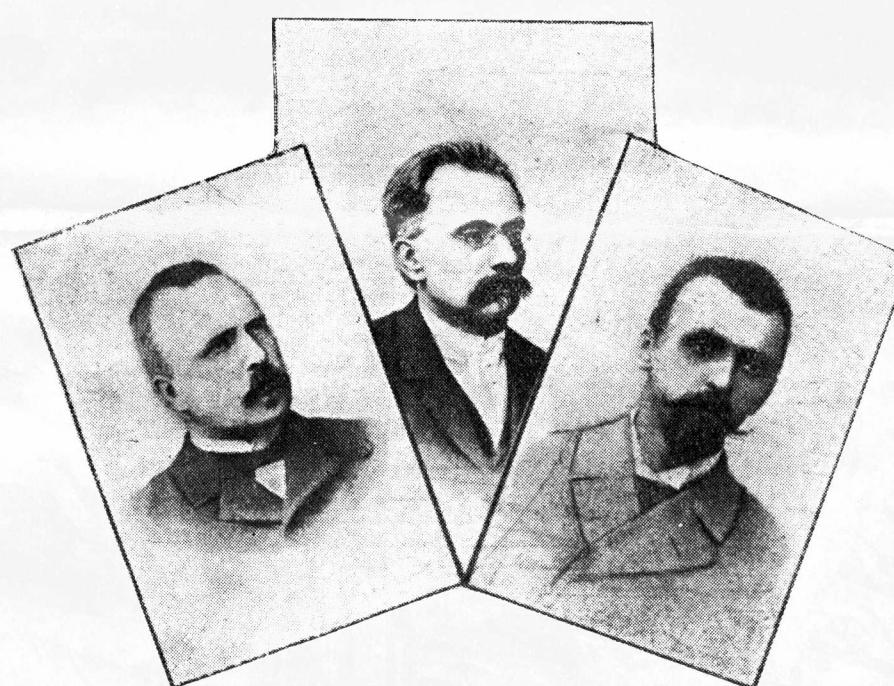
Повидимому, извѣстныя партии стараются создать изъ этого дѣла второе изданіе дѣла Дрейфуса.

Во всякомъ случаѣ, въ первомъ процессѣ Тюрпена столько неясностей и не правильностей, что авторитетное разясненіе крайне необходимо.

Между различными великими державами, съ которыми вѣль переговоры много лѣтъ тому назадъ Тюрпенъ, была также и Англія. Когда Тюрпенъ обратился съ предложеніемъ своего изобрѣтенія въ англійское военное министерство, то онъ замѣтилъ съ удивленіемъ, что въ Лондонѣ освѣдомлены совершенно точно о сущности его изобрѣтенія, и что документы, которые онъ доставилъ прежде всего въ военное мини-

Е. Ерко.
И. Костремъ. Е. Вальденъ.
Лидеры младо-финской партии.

Е. Шиберзонъ.
И. В. Рунебергъ. В. К. фонъ-Альфтанъ.
Лидеры шведской партии.

стерство своего отечества, были выданы какимъ-то третьимъ лицомъ англійскимъ дѣльцамъ.

Тюрпену стало тотчасъ же ясно, кто сдѣлалъ этотъ „гешефтъ“ (потому что это былъ, дѣйствительно, гешефтъ): третьимъ лицомъ оказался артиллерійский капитанъ Трипонъ, который занималъ отвѣтственный постъ во французскомъ военномъ министерствѣ, но въ то же время участвовалъ въ дѣлахъ знаменитаго англійскаго торгового дома Армстронгъ въ Парижѣ. За Трипонѣ стояли, какъ оказывается, и другія, гораздо болѣе вліятельныя лица.

Тюрпенъ и написалъ тогда книгу: „Какъ продали мелинитъ“, и въ этомъ произведеніи, сдѣлавшемся теперь рѣдкостью, конечно, не поскупился на выраженія крайняго своего негодованія по поводу „гешефта“.

Слѣдствіемъ его поступка былъ арестъ его и капитана Трипонѣ. Оба они были приговорены къ тюремному заключенію. Но Трипонѣ былъ выпущенъ изъ тюрьмы тотчасъ же послѣ объявленія приговора, а Тюрпенъ оставался въ ней два года.

Однажды ему объявили, что онъ помилованъ. Онъ такъ же мало понялъ въ этомъ помилованіи, какъ и въ обвиненіи, но такъ какъ на свободѣ лучше работать, то онъ отправился въ Бельгію и тамъ снова занялся соединеніемъ смертоносныхъ веществъ, которыхъ должны были доставить новая и ужасная средства для человѣкоистребленія.

Различныя правительства старались заручиться избрѣтателемъ. Какъ говорятъ, и Германія дѣлала ему предложенія, которыхъ онъ, однако, не считалъ серьезными. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ одни. Другіе утверждаютъ, что онъ подумывалъ было основаться въ нѣмецкомъ государствѣ, но удержался отъ этого намѣренія, когда, послѣ горячихъ дебатовъ во французскихъ сенатѣ и палатѣ, въ 1893 и 1894 годахъ, уполномоченные французского правительства предложили ему возвратиться въ отечество на извѣстныхъ условіяхъ.

Онъ уѣхалъ изъ Брюсселя, и многие не знали объ его отѣздѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ его отѣзда, въ домѣ, где онъ жилъ, произошелъ страшный взрывъ, которымъ домъ былъ уничтоженъ совершенно, и причина взрыва не была установлена, несмотря на тщательнѣйшіерозыски...

Междудѣмъ, Тюрпенъ продолжалъ свои опыты въ Парижѣ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ 1900 году Вальдекъ-Руссо и генералъ Андре пригласили къ себѣ изобрѣтателя (безъ всякой просьбы съ его стороны) и предложили ему должность въ канцеляріи національной обороны, какъ доказательство полнаго къ нему довѣрія.

Эту должность Тюрпенъ занималъ до 1906 года. Нынѣшній военный министръ Пикаръ не возобновилъ, однако, контракта, и Тюрпенъ (какъ онъ и его друзья утверждаютъ, безъ всякаго повода) остался снова безъ мѣста.

Какъ мы уже упоминали раньше, онъ не хотѣлъ подымать свое дѣло, чтобы не усиливать раздраженія, произведенаго дѣломъ Дрейфуса. Но теперь, когда этой причины не существуетъ, онъ хочетъ доказать свою невинность.

Генералъ Андре подтверждаетъ въ своемъ, частью опубликованномъ меморандумѣ, заслугу и невинность Тюрпена, и ждетъ отъ пересмотра процесса интересныхъ разоблаченій.

Процессъ покажетъ, опровергаются ли эти ожиданія, и кѣмъ окажется Тюрпенъ, мученикомъ или...

До сихъ поръ общественное мнѣніе склоняется въ его пользу.

Катакомбы капуциновъ въ Палермо.

Скелеты сицилійскихъ капуциновъ въ одномъ изъ подземелій монастыря.

[Останки, покрытые рясами и капюшонами, представляютъ фантастический видъ.
Раньше въ этихъ катакомбахъ хоронили и знатныхъ сицилійцевъ.]